

Восемнадцать лет были для меня интересным годом.

О черт, позвольте мне начать сначала.

Восемнадцать было годом, который изменил мою жизнь.

Да, так будет лучше.

Мне нравится думать, что это был год, который изменил мою жизнь к лучшему. Я оставляю это на ваше усмотрение, нежный читатель.

Немного предыстории.

Меня воспитывала мать-одиночка. Как я узнала позже, мама была алкоголичкой и, как мы бы сказали сегодня, тусовщицей. Я смотрела на лето в маленьком городке в восточном Колорадо - неважно, в каком именно - как на удовольствие. Что-то вроде моего расширенного летнего лагеря, где у меня были кузены, с которыми я мог играть, и дяди, которые учили меня таким важным вещам, как стрелять, курить и пить виски на переднем сиденье старого пикапа. Как я узнал позже, это были и мамины каникулы, когда она могла веселиться от души и трахать все, что имело твердый член.

Но, как это бывает, наступило половое созревание. И вот мне было восемнадцать, я недавно окончила школу и все еще была девственницей. Я заметил, что у мамы, когда она проходила по нашему маленькому дому, едва одетая, были интересные части тела. Иногда по ночам я пробирался в ее комнату и подглядывал, очарованный формой ее груди и удивляясь, почему после свидания у нее между ног лежит полотенце.

Любой мужчина, читающий это, меня поймет. Мой член всегда был твердым, а после того, как друг научил меня мастурбации, моя рука всегда была там. Джордж Карлин однажды выступил на эту тему, и я смеялся до потери дыхания. Отчасти, я полагаю, это из-за травмы, которую я курил, а отчасти просто это было так близко к сердцу. Он рассказал о том, как друг научил его мастурбировать. Частично, правда, он предупредил, что в наличии есть только полмиллиона таких. И вот ударная фраза: "Итак, когда мне стукнуло четыреста девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять," драматическая пауза, "четыре дня спустя".

Так или иначе, я был здесь, это был 1961 год, мне было 18 лет, и я абсолютно ничего не знал о сексе, кроме того, что каждый час сливал старый дракон. Помните, это было до Интернета. У меня был всего один журнал Playboy, который я изрядно потрепал, тщательно пряча между матрасами, а друг однажды порадовал меня своими фотографиями ног, вырезанными из каталога Penney's. Невежественный - вот слово, которое описывало меня, когда мы ехали на восток по шоссе 40.

Мама была в хорошем настроении. Две отвертки на завтрак смягчили ее, и похмелье, казалось, прошло. Она подпевала радио.

"С нетерпением ждешь лета?" - спросила она, высунув окурок сигареты Koool в окно.

"Конечно", - ответил я, хотя и не так радостно, как мог бы в прошлом. Я пару раз ходила в общественный бассейн и обнаружила, что девочки из моего класса выглядят просто замечательно в своих купальниках из двух частей. Мне не хотелось провести лето вдали от знакомых девочек.

В тот момент мое внимание привлекло то, что она явно не надела лифчик тем утром, прежде чем мы вышли из дома. В машине, "Кадиллаке" 1957 года с периодически работающим кондиционером, было тепло в этот ранний летний день, поэтому окна были открыты. Он раздувал ее волосы, делая ее похожей на кого-то из кино. Темные круги пота под ее руками показались мне восхитительными.

"Боже, Дэйви, - сказала она, хихикая и похлопывая меня по руке, - сфотографируйся. Так будет дольше".

Я покраснел от смущения.

Она хихикнула, этот горловой мягкий смех, одобренный виски (ну, водкой) и сигаретами.

"Все в порядке, милый", - сказала она, - "просто верни глаза обратно в голову".

Мы сделали нашу обычную остановку в Deer Trail, крошечном городке на пути на восток из Денвера. У нее была отвертка, а у меня кока-кола. Она флиртowała с барменом, а я сидел тихо. Я пошел в туалет, пописал и подрочил, готовый ко второй половине путешествия.

В доме моей прабабушки нас встретили, как всегда, с поцелуями и объятиями. Она была одной из тех толстых бабушек, почти прототипом, и, опять же, мое новое сверхчувствительное тело отреагировало, когда она притянула меня к себе так, что мое лицо оказалось погребенным между двумя огромными сиськами-подушками. Мы тогда обошли всех, тети и дяди, ну, мои двоюродные тети и дяди, мамыны тети и дяди, и, как любой 18-летний, я был до смерти скучен.

Как только я смог, я подошел к дому Бетти, моей лучшей подруги с тех пор, как ее полупьяный старший брат угрожал отрезать мне член, и она спасла меня.

Черт, теперь у нее тоже были такие интересные изгибы.

Она не была рада меня видеть, как раньше, и впервые между нами возникла неловкость.

Я дошел до городской библиотеки, расположенной в двух кварталах от дома моей прабабушки, и взял пару книг по научной фантастике, единственные два романа Роберта Хайнлайна, которые были у них на полках. Вернувшись к ней домой и чувствуя себя не в своей тарелке после приветствия Бетти, я попытался почитать, но не смог заинтересоваться. Поэтому я

пошел прогуляться, осмотреться, заново познакомиться с маленьким городком, так непохожим на Денвер.

Когда солнце село, я посидела с бабушкой на качелях на крыльце. Как и тысячу раз, я прислонился к ней, и она обхватила меня за плечи своей большой мягкой рукой. Я больше осознавала большую грудь, к которой прижималась, чем что-либо другое. Наверное, я двигался, как бы прижимался, потому что она хихикнула, очень тихий звук, и погладила меня по голове.

"Спокойно, Дейви", - сказала она.

Она всегда рано ложилась спать, так что было около 8:00, когда я оказался в постели, снова пытаюсь сосредоточиться на своей книге.

Я услышал, как открылось окно, и не удивился, увидев мою кузину Марджи, пролезшую через него.

Она была на пару лет старше меня, и мы всегда были довольно близки. Она часто пробиралась в мою комнату и пугала меня жуткими историями, или мы вместе читали что-нибудь.

И, черт возьми, если бы у нее не было таких интересных изгибов.

Она поцеловала меня, хихикая и шикая, когда я пытался что-то сказать.

"Шшшшш", - тихо прошептала она мне на ухо, - "Мне сказали, что мы уже слишком стары для этого".

Она снова поцеловала меня, настоящие поцелуи между мужчиной и женщиной, ну, мальчиком и девочкой. Конечно, больше, чем поцелуи кузенов.

И ее рука проскользнула под резинку моих аккуратных плавков и прикоснулась к тому месту, где я был таким твердым.

Она хихикнула и прошептала: "Может, они были правы".

<http://erolate.com/book/1572/48349>